

Э. В. Померанцева

СПЕЦИФИКА УСТНОЙ ПРОЗЫ В СВЕТЕ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Для решения этнографических задач на материале фольклора недостаточно выяснения эстетических и культурно-бытовых функций фольклора. Бесспорно, для этого необходимо раскрыть этнические функции фольклора¹.

При рассмотрении этнических функций фольклора, в частности устной прозы, приходится учитывать не только то, что «этнические свойства фольклора не существуют самостоятельно, вне его эстетических функций»², но и прочие свойства фольклора, определяющие его своеобразие.

Такие специфические черты фольклора, как вариативность, его постоянная динамика, его «бродячесть» определяют его крайне высокую проницаемость по сравнению с другими компонентами духовной культуры.

Степень же проницаемости устной прозы, «переходных повестей», по выражению Ф. И. Буслаева, значительнее, чем эпоса и песен, проницаемость которых лимитируется национальными особенностями ритмики, строфики и напева.

Это свойство устной прозы, с одной стороны, определяет ее большую роль в сближении духовной культуры разных народов и благодаря этому ее значение как материала для изучения современных этнических процессов, а с другой стороны, затрудняет это изучение в результате стертости в ней отличительных национальных особенностей, особенно в фольклоре родственных или соседствующих народов.

Известная югославская собирательница и исследовательница фольклора Майя Бошковиц-Стулли в недавно вышедшей в ФРГ книге «Хорватские сказки»³, говоря о трудности, порой даже невозможности точно установить в многонациональных районах, в чем заключаются специфические особенности сказок того или другого народа, пишет: «Эти особенности можно наметить только приближенно и установить их только в немногих особенно явных случаях»⁴.

Все же изучение взаимодействия фольклора, в том числе русской устной прозы и устной прозы народов СССР, возможно и является одним из существенных моментов в исследовании современных этнических процессов в многонациональных районах СССР. При этом следует помнить, что роль фольклора во взаимоотношениях разных народов крайне разнокачественна. Сплошь и рядом фольклор воспринимается как знак национального самосознания и как таковой содействует разобщению национальных культур. Общеизвестны и сатирические сказки об инородцах, которые несут в себе черты национальной вражды и неприязни. С другой стороны, фольклор, передаваясь от одного народа к другому, способствует слиянию разных этнических традиций. Именно эта тенденция, безусловно, является ведущей в наше время и опреде-

¹ Ю. В. Бромлей, *Этнос и этнография*, М., 1973, стр. 221.

² Там же.

³ «Kroatische Märchen» (Herausgegeben von Maja Bošković-Stulli), Göttingen, 1975.

⁴ Там же, стр. 272.

ляет пути развития современного фольклорного репертуара, особенно в многонациональном Советском Союзе.

Поэтому не удивительно, что в последние годы в СССР активизировалась работа по собиранию и изучению русского фольклора в национальных республиках. Особенно много в этом отношении сделано в Бурятии, Карелии и главным образом в Башкирии, Молдавии, Латвии.

Вопрос о национальном своеобразии устной прозы и взаимодействии сказок и преданий разных народов не случайно был выдвинут в 1974 г. как один из самых кардинальных для нашей науки на Всесоюзной конференции в Минске. Доклады о взаимодействии литовских и славянских народных сказок (Б. П. Кербелите), русской, украинской и молдавской устной прозы (Р. А. Богомольная), о межнациональных культурных связях, отразившихся в прозаическом фольклоре сибирских народов (Е. В. Баранникова), и ряд других, посвященных аналогичной тематике, вызвали всеобщий интерес⁵. Особенно большого внимания для оценки значения устной прозы как материала для изучения этнических процессов заслуживает доклад Л. Г. Барага «Межнациональные взаимосвязи прозаических жанров»⁶.

Л. Г. Бараг на многочисленных примерах показал, что в наше время происходит крайне широкое взаимодействие местных неславянских и русских сказок в многонациональных районах. Бесспорно высказанное исследователем положение, проверенное многолетней полевой работой: «Характер данного процесса зависит от исторически сложившихся и изменяющихся местных традиций, национального быта и фольклора, на почве которого прививается, трансформируется инонациональный сказочный материал, а также от состояния инонациональной сказочной традиции, ее жизнеспособности»⁷.

Естественно, что по-разному осуществляется взаимодействие русской сказки с местной сказочной традицией на Крайнем Севере и на Кавказе, в Молдавии и республиках Прибалтики, в Поволжье и в Сибири. Вместе с тем основная тенденция при всей разнице конкретных проявлений, степени и длительности изменений, качества и количества многонациональных деталей едина. Это однозначная и последовательная тенденция слияния разных традиций, ассимиляции инонациональных сюжетов и образов, обогащения благодаря этому репертуара новыми сюжетами, освоения иноязычных стилистических формул и приемов.

Чем дальше друг от друга по своей национальной специфике, в частности по языку, взаимодействующие фольклорные традиции (например, фольклор народов Севера и русский фольклор), тем легче обнаружить конкретные черты этого взаимодействия. Чем ближе по своему характеру, историческим судьбам, стилевым особенностям, языку эти взаимодействующие традиции (например, русский и белорусский фольклор, русский и украинский фольклор), тем труднее определить характер этого взаимодействия.

Близость или отдаленность сказочной традиции разных народов определяется не только наличием или отсутствием языкового барьера, но и характером общения тех или других народов, общностью их быта, хозяйства, истории. Недаром А. Н. Веселовский в свое время писал: «Скажите мне, как народ жил, и я скажу, как он писал»⁸.

Однако несмотря на то, что большинство исследователей не сомневается в наличии этнической специфики в сказках любого народа, срав-

⁵ См. «Прозаические жанры фольклора народов СССР. Тезисы докладов на Всесоюзной научной конференции», Минск, 1974, стр. 148—160; см. также: В. К. Соколова, Конференция «Прозаические жанры фольклора народов СССР», «Сов. этнография», 1974, № 6.

⁶ «Прозаические жанры фольклора народов СССР», стр. 57—71.

⁷ Там же, стр. 58.

⁸ А. Н. Веселовский, Разыскания в области русского духовного стиха, вып. 5, СПб., 1889, стр. 115.

нительно редко удается показать это достаточно убедительно на конкретных примерах, очевидно потому, что, говоря словами того же А. Н. Веселовского, «в каждой сказке должно быть и свое и чужое»⁹.

Примером активного взаимопроникновения двух национальных фольклорных традиций являются сказки как русских, так и мокшанских и эрзянских сказочников, бытующие на русском языке в Мордовии.

Национальные особенности мордовского устного творчества и инонациональные привнесения в него, которые очень ярко сказываются в эпосе, причитаниях, обрядовом фольклоре, в сказке крайне стерты. Тем не менее характер взаимодействия русской и угро-финской сказочной традиции в Мордовии установить возможно.

Русско-мордовские фольклорные связи являются примером длительного сосуществования и постоянного взаимодействия двух различных национальных культур. «Мордва издавна подвергалась сильному русскому влиянию,— писал Д. К. Зеленин,— и заимствовала у русских немало полужыческих верований, песен, наконец, разнообразных принадлежностей хозяйственного быта и материальной культуры вообще»¹⁰.

Вопрос о взаимодействии материальной и духовной культуры этих двух народов неоднократно исследовался русскими и мордовскими учеными. В свете изучения взаимодействия современного русского и мордовского фольклора имеет большое значение собирательская и исследовательская работа молодого ученого В. И. Костина¹¹, очень убедительно показавшего общность процессов, происходящих в русском и мордовском песенном фольклоре в настоящее время. Именно этим объясняется широкое распространение среди мордвы русских народных бытовых песен.

Аналогичны и наблюдения ныне покойного исследователя А. И. Маскаева, обратившего внимание на то, что любовная лирика бытовала в Мордовии исключительно на русском языке: «Русская песня была понятна как родная и по тексту и по напеву»,— писал он¹². Подтверждением этого является лирическая песня о барине и красавице-мокшанке, записанная Б. Е. Смирновым в 1963—1965 гг. в мокшанском селе Зубово-Полянское и являющаяся мордовской перелицовкой известной русской песни «Вечер поздно из лесочка»¹³.

Собиратели, работавшие в 1974 г. в эрзянском селе Караидель Шатковского района Горьковской области, отмечают, что «сейчас в селе мордовские песни не поют, только иногда на свадьбе. Почти все жители обрусели, сейчас мало кто говорит по-эрзянски». Такое же положение и в соседнем селе Почетаевка¹⁴.

Столь явное в песне взаимодействие русской и мордовской традиции, в сказках, бытующих на русском языке в Мордовии в эрзянских и мокшанских селах, крайне стерто и, при всей явности, неотчетливо. Возможно поэтому мордовско-русским связям в области сказки до сих пор уделялось меньше внимания, чем в области песен, несмотря на то что ставился этот вопрос уже давно, почти сто лет тому назад. Так, например, проф. И. Смирнов в 1886 г. опубликовал статью «Несколько слов о русском влиянии на инородцев Казанского края», в которой приводил примеры заимствования мордвой русских сказок¹⁵.

⁹ А. Н. Веселовский, Собр. соч., Л., 1936, т. 16, стр. 221.

¹⁰ Д. К. Зеленин, Саратовская мордва, «Живая старина», 1910, вып. IV, стр. 315.

¹¹ В. И. Костин, Русская бытовая песня в Мордовии, Автореф. канд. дис., Саранск, 1970.

¹² А. И. Маскаев, Мордовская народная эпическая песня, Саранск, 1964, стр. 284.

¹³ Архив Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики, ф. Б. Е. Смирнова, стр. 187 (далее Архив НИИ).

¹⁴ Архив НИИ, отчет экспедиции 1974 г., л. 1.

¹⁵ И. Смирнов, Несколько слов о русском влиянии на инородцев Казанского края, «Известия Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета», т. VI, вып. 1, Казань, 1886.

А. И. Маскаев также неоднократно указывал в своих работах, что этот процесс интенсивно продолжается и в послевоенный период. В статье «Современное состояние мордовской сказки» он говорил о неизбежности влияния русской сказки на мордовскую и указывал, что оно ощущается не только в сюжетах, но и в стилистике: заимствуются традиционные зачины, сказочные формулы, которые рассказчиками и их слушателями не ощущаются как чужеродные, так же как русские слова в мордовских песнях и русизмы в мордовской речи. Недаром материалы последней переписи показали, что 70% мордовского населения свободно владеет русским языком.

Наблюдения А. И. Маскаева подтверждаются записями последних лет. Среди них множество текстов, записанных от мокши и эрзи на русском языке. В сказках, рассказанных на эрзянском и мокшанском языках, встречаются не только русские слова (крестный, караульный) и двуязычные сочетания типа «церковань сторож», но и целые русские фразы: «Ах поганый идолица», «Ну сват несусветный» и сказочные формулы: «В тридевятом царстве», «Пир на весь мир».

В эрзянских и мокшанских сказках постоянно упоминаются Иван-дурачок, Жар-птица, Иван Лазаревич и т. д. Характерен вариант сказки о лисе, меняющей скалочку на курочку, рассказанный в 1936 г. на эрзянском языке 12-летней девочкой. В этой сказке («Абдул весень изиньзе») герой начинает операцию последовательных обменов с найденного на дороге лаптя. Кончается сказка русской или, вернее, полурусской песенной вставкой:

Ко буке лакшт, лакшт,
Лапты на куры,
Куры на утки,
Утки на галы,
Галы на курки,
Курки на реве,
Реве на бука.

В другом варианте той же сказки:

Курка на овцу,
Овцу на бука,
Но бука лакшт, лакшт¹⁶.

Этот пример не единичный, так как в мордовских сказках о животных, сюжетно очень близких к русским, диалог сплошь и рядом ведется на русском языке.

Относительно целого ряда сказок о животных, а также многих бытовых сказок крайне трудно, а порой невозможно решить вопрос о первоначальной национальной принадлежности сказки. Таков, например, текст «Сказа о том, как Платон стал попом»¹⁷, в основе которого популярная русская сказка «Поп Пахом». Сюжет этой сказки в мордовском варианте рационалистически объясняется недавним крещением эрзи и отсюда неосведомленностью паствы в церковной службе. Несмотря на мордовское имя героя — Кудаж, встречающаяся в Мордовии во многих вариантах на русском и мордовских языках сказка о солдате и Петре I, очевидно, русского происхождения.

Многочисленны в мордовском фольклоре рассказы о глупцах, частично совпадающие с русскими сказками о пошехонцах, но сплошь и рядом и иные. Таков, например, анекдот, несколько непристойный, о том, как вся семья стоит на коленях перед теленком, которого сочла

¹⁶ Архив НИИ, ф. Л-86
66, ед. хр. № 27.

¹⁷ Там же.

за святого¹⁸. Точно разграничить эти русские и мордовские народные анекдоты невозможно.

С другой стороны, вряд ли можно отнести к русскому фольклору широко распространенную сказку о неверной жене (сюжет № 1380), рассказанную старой мокшанкой на русском языке, несмотря на то, что сюжетно русские и мордовские варианты очень близки. В мордовском тексте говорится о святом дереве «унду-Оую», о том, как муж одной бабы, чтобы вывести ее на чистую воду, залез в «Унду» и поучал ее оттуда, выдавая себя за бога, как отделаться от постылого мужа: «он заглохнется и заслепнется»¹⁹. Этот бродячий сюжет, известный начиная с Панчатантры, широко бытует в мировом фольклоре и, в частности, широко распространен среди всех угро-финских народов, поэтому нет достаточных оснований возводить мордовскую сказку с ее ярко выраженными национальными особенностями к русскому источнику.

Более выпукло сохраняется национальная основа в волшебных сказках. Многочисленны мордовские пересказы русских лубочных сказок о царе Салтане, о Бове, о Еруслане Лазаревиче. С другой стороны, на русском языке рассказываются мордовские сказки о Виряве, о Дуболго Пичай, о Варде, о девочке с серебряным зубиком.

Нельзя, конечно, относить все общие по сюжету сказки к русской традиции. Это, несомненно, явилось бы преувеличением русского влияния на мордовский фольклор. Однако некоторые мордовские сказки, такие, например, как «Чудо в перьях» (в русских пересказах героиня — «Чудо» превратилась в «Чудовище»), являющаяся национальной переливкой «Золушки», или сказка «Красавец Дамай», восходящая к сказке Перро «Кот в сапогах», очевидно, попали в мордовской фольклор через посредничество русского фольклора или русской книги.

Русская основа четко проявляется и в сказках «Сураля» и «Андямо», являющихся несколько схематическими пересказами русской сказки об охотнике и орле и об обещанном сыне²⁰.

В 1968 г. в с. Старошайгове от Цибискиной (58 лет) на русском языке студентами МГУ записана сказка «Оклеветанная сестра»²¹. Сюжет этот, как известно, широко распространен в мировом фольклоре. Зафиксированный в XII в. на юге Англии, он вплоть до XVII в. подвергается многочисленным литературным обработкам на английском, французском, немецком, латинском, итальянском, шведском, сербском и греческом языках. Через Византию он приходит в Московскую Русь, о чем свидетельствует переводная повесть XVII в. «Чудо пресвятые богородицы о царевне Персике, дщери царя Михаила Болгарского». Сказка эта неоднократно записывалась в разных русских районах и много раз публиковалась в сборниках русских сказок. Мордовские варианты этой сказки под названием «Дуболго Пичай» неоднократно публиковались как на эрзянском и мокшанском языках, так и в переводе.

Вариант Цибискиной, рассказанный на русском языке, ближе к мордовской редакции этого сюжета, чем к русской. Однако сказочница сообщила, что она эту сказку от мордвы не слышала и нигде не читала ее. Все же важная деталь, которой нет в русской сказке, дает основания думать, что данный русский вариант пришел к русской сказочнице через мордовское посредничество. Злодейка-золовка зазывает героиню в баню и обливает ее растопленным воском, который на той застывает. Братья насыпают в гроб с телом сестры зерно и помещают его высоко

¹⁸ Архив НИИ, ф. Б. Е. Смирнова, записи 1963—1965 гг. в Zubovo-Полянском районе Мордовской АССР, л. 175.

¹⁹ Там же, л. 332.

²⁰ Архив НИИ, ф. $\frac{\text{Л-86}}{66}$, записи 1932 г.

²¹ «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», т. III, ч. 2, «Эрзянские сказки», 1967, № 23.

на ветки двух тополей. Таким образом мы видим, что специфические национальные мордовские особенности (обычай надземного захоронения) сохраняются в Мордовии и в русском варианте сюжета, широко бытующего без этих деталей в русском репертуаре других районов.

Характерным примером бесспорного воздействия русской традиции на мордовскую сказку является текст, записанный в 1970 г. в с. Турдаки Дубенского района Мордовской АССР от Ивана Федоровича Кургаева (1915 г. рождения). Запись сделана студенткой Гудковой. Озаглавлен текст, очевидно собирателем, «Сказание о мордовской женщине-лекарше» (курсив здесь и далее мой.— Э. П.)²².

«В одном великом королевстве правил мудрый король. Но недолго длилось его счастливое царствование. Заболел кожей болезнью и никто не мог его вылечить. Но вот дошел до короля слух о мордовской женщине-лекарше. И решил он ехать в Мордовию попробовать еще поглотиться. Встретился король с той женщиной, и взялась она его лечить. Жарко натопила баню, крепко попарила короля, намазала тело медом и завернула простыней. И так повторила несколько сеансов, до тех пор, пока король не выздоровел. Король так был рад своему выздоровлению, что не знал, как благодарить женщину-лекаршу. А она ему сказала, что если он хочет быть всегда здоровым, пусть женится на ней. Король обещал взять ее женой в свое королевство, только, дескать, приготовится к свадьбе. Приехал он в свое королевство и стал советоваться с боярами: брать ту женщину в жены или нет.

Бояре предъявили такое условие: „Если ты возьмешь в жены простую женщину, то тебя сместим с королевского трона. Какой ты король, если женишься на простой мордовке“.

И король не стал жениться на той женщине. Но через некоторое время он опять заболел той болезнью. Сколько его ни лечили — ничто не помогло. И пришлось королю опять ехать в Мордовию к той женщине. Она его опять приняла и стала лечить прежним способом.

Через некоторое время король выздоровел и взял ту женщину себе в жены. А своим боярам сказал: „Не нужно мне ваше королевство, мне нужна жизнь“. И остался доживать свой век с той женщиной».

В этом тексте древнерусская повесть о Петре и Февронии Муромских, которая изредка встречается в репертуаре русских сказочников (прекрасный вариант записан от воронежской сказочницы А. Н. Корольковой²³), предстает перед нами в мордовском обличье. Сюжет крайне упростился, нет мотива змееборчества, загадок мудрой девы, описания происков боярских жен, чудесных обстоятельств смерти героев, совершенно исчезли житийные моменты, характерные для первоисточника — повести о муромских святых. Сохранена лишь антибоярская тенденция источника. Показательно для данного варианта, что антиподом бояра является не просто крестьянка, а именно мордовская крестьянка, король едет лечиться в Мордовию (король вместо князя пришел, очевидно, из книжных сказок).

Рассмотренные нами примеры говорят не только о постоянном взаимодействии, но и об органическом слиянии двух национальных фольклорных традиций.

Сами сказочники, а также собиратели и исследователи часто затрудняются не только определить, мокшанская или эрзянская в основе своей та или другая сказка, но даже русская она или мордовская. Так, например, пожилая русская женщина рассказала известную русскую легенду о Николе и Касьяне. При этом она сообщила, что это «не русская история», а мордовская, и что слышала она ее несколько лет тому

²² Архив кафедры русской литературы Мордовского государственного университета, Материалы экспедиции 1970 г.

²³ «Русские народные сказки, рассказанные А. Н. Корольковой», М., 1969, стр. 243—253.

назад в Смоленской области от старухи-мордовки. «Кто его знает,— задумчиво прибавила она,— может, и правда так было. Мордва-старики много кое-чего знает»²⁴.

То же мы наблюдаем и в практике сказочников многих других народов. Так, например, латгальский старик-сказочник Петр Якушонок, с равным блеском рассказывающий былички, сказки и анекдоты на русском и латышском языках, упорно утверждает, что все они латышские.

По-иному воспринимаются кавказские элементы в русских сказках и легендах дагестанскими сказочниками: «Этот анекдот я от лезгин слышал», «Кумыки говорят, от них слышал», «Об этом чечены рассказывали» «Слышал от одного национала», «Это татарин мне говорил» и т. д.— так, по наблюдениям собирателя В. С. Кирюхина, мотивировали его информаторы инонациональные элементы в сообщаемых ими русских текстах.

В оценке национального характера сказок, «своего» и «чужого» в них, сказывается осознание исполнителем близости или отдаленности национальной фольклорной традиции.

Активный характер взаимодействия, вернее слияния, двух сказочных традиций соответствует аналогичным процессам, имеющим место в формах хозяйства, труда, быта, а также в жилище, костюме, языке. Таким образом, жизнь сказки — один из компонентов общего этнического процесса, одинаково знаменательного как для материальной, так и для духовной культуры современных многонациональных районов.

Следует, конечно, учитывать, что «взаимное передвижение мифа, сказки, песни могло повторяться не однажды и всякий раз при новых условиях как усвояющей среды, так и усваиваемого материала»²⁵. Вместе с тем частотность этих фактов в записях последних лет дает основание рассматривать их как свойство именно современного фольклорного процесса.

Современные этнические процессы, обусловленные близким соседством, постоянным общением, смешанными браками, общими трудовыми процессами и т. д., приводят к взаимодействию разных национальных фольклорных традиций; вместе с тем само это взаимодействие является (в той же мере, как и двуязычие) одним из компонентов многообразных современных этнических процессов. Активная роль фольклора, в частности устной прозы, в этнических процессах определяется его спецификой, его вариативностью и проницаемостью. Этим же определяется и его значение в процессе преодоления национальных границ в народной культуре.

THE SPECIFICITY OF ORAL PROSE IN THE LIGHT OF THE STUDY OF PRESENT-DAY ETHNIC PROCESSES

The strong variability of folklore including oral prose results in its high penetrability and hence in its important role in drawing together the culture of different peoples. The Russian folk story interacts with the local folk tale tradition in a different manner in the different republics of the Soviet Union, but the main trend of this process is one and the same and is expressed in the continuous amalgamation of the two traditions. An example of intensive mutual penetration of two national folklore traditions may be observed in the Russian language folk tales widely distributed in Mordovia. Russian-Mordovian links in folklore are a result of the protracted co-existence and constant interaction of the two popular cultures.

The intensive interaction between Russian and Mordovian folk tales paralleling similar processes in industrial and domestic life etc. makes them an important factor in the process of overcoming national boundaries in popular culture.

²⁴ Записано автором 3 апреля 1975 г. в Москве.

²⁵ А. Н. Веселовский, Разыскания в области русского духовного стиха, стр. 116.